

В 1965 году я был включен в состав первой делегации, посетившей Испанию после тамошней гражданской войны, — перерыв в отношениях с ней был весьма значительным.

В состав этой небольшой делегации вошли деятели науки и культуры. Я не буду называть их фамилии по причинам, которые читатели поймут позже. Скажу только, что помимо меня туда входили: Кинематографист, Историк, Хирург, Окулист, Географ, Искусствовед (женщина), Писатель, Поэт, Журналист и балетный Танцор. Руководителем группы был ответственный работник международного отдела ЦК, очень симпатичный и образованный, блестяще знающий испанский язык. Официально он именовался кинокритиком, несмотря на весьма скромные познания в этой области, что несколько затрудняло его активное общение с международными коллегами на кинофестивале в Барселоне.

Встреча нашей компании в мадридском аэропорту, равно как и все дальнейшее пребывание в стране, были на весьма высоком уровне. Пресса была крайне доброжела-

ющим боям на корриде, и обучал молодых торреро.

Жара была невыносимая — июль месяц, центр Испании. И мы втайне завидовали Журналисту, так и не сменившему свое одеяние, в то время как мы парились в наших вечерних костюмах.

Мигель встречал нас у высокой ограды в одних шортах. Его смуглое тело было исполосовано глубокими шрамами от былых сражений. Нас провели в прохладный дом с бассейном, выдали простыни, купальные халаты и вскоре мы перестали завидовать Журналисту.

В огромной столовой висел большой, во весь рост, портрет хозяина работы Пикассо — (они были близкими друзьями), на котором Мигель был изображен уже лишенным даже шорт, что несколько сму-

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

ЧТО БЫЛО И ЧЕГО НЕ БЫЛО

тельной и широко освещала все наши встречи и контакты, несмотря на то, что Франко еще был жив и продолжал править страной.

Меня с Писателем поселили в роскошных апартаментах в одном из лучших отелей Мадрида, и я сразу позвонил своему давнему приятелю, с которым я свел знакомство в Париже несколько лет назад. Это был знаменитый (нынче, увы, покойный) торреро Мигель Домингин. Молодой, красивый и богатый, кумир всей Испании. Женат он был на известной итальянской киноактрисе Лючии Бозе (помните фильмы итальянского неореализма: «Рим, 11 часов», «Нет мира под оливами», «Девушки с площади Испания» и др.?).

— Приезжай ко мне завтра на ферму, — тут же предложил Мигель.

— Да я тут не один, со мной еще несколько человек из делегации.

— Вот всех и привози. Завтра к 12 дня пришло машины.

На следующий день, ровно в 12 часов, к отелю подъехало четыре автомобиля в сопровождении двух секретарей Мигеля. Довольно много времени мы потратили на уговоры Журналиста, решившего ехать на предстоящий прием «по-простому» — в майке и тапочках, неубедительно бормотавшего что-то о принципах демократии. В таком виде он и остался, а мы облачились в одежды, соответствующие предстоящему парадному приему, об организации которого Мигель специально предупредил.

Прием этот должен был состояться на ферме Домингина за 100 километров от Мадрида, где он разводил будущих «торо» (молодых бычков), готовя их к предсто-

тило наших дам. После очень легкого завтрака Мигель пригласил нас в сад. Там стоял приготовленный для предстоящего приема непокрытый скатертью длинный стол, заставленный бутылками и причудливыми дарами моря (я понял, что не иначе как сегодня они были доставлены специальным самолетом с побережья — свежесть морских продуктов на суше крайне коротка). Мы все прогуливались по великолепному саду, а Журналист несколько подзадержался у накрытого стола.

Теперь хочу объяснить читателям, почему я не назвал настоящие имена членов нашей делегации. Дело в том, что Журналист был законченным алкашом, да и к тому же чудовищно близоруким, даже более чем Поэт, который также соколиной зоркостью не отличался.

Короче говоря, Журналист, активно общаясь с многочисленными, разнообразными бутылками, попросту говоря, надрался, не трогая морских даров, поскольку не знал, как с ними обращаться. Между прочим, среди этих морских жителей был ранее мне неизвестный продукт под названием «перседас». Эти очень вкусные морские колбаски водятся только у берегов Испании, прилипая к прибрежным скалам. И тут начали появляться гости. Приехал весь высший свет Испании: министры, генералитет, фалангисты, духовенство, парламентарии. Только генералиссимус Франко отсутствовал — болезнь Паркинсона развивалась весьма интенсивно.

Все общество прогуливалось по саду, выпивало и закусывало хорошо известными ему деликатесами, и мои соотечественники поголовно (за исключением Журналиста), уме-

ющие объясняться на иностранных языках (преимущественно на английском), вступали в оживленные и вполне мирные беседы с гостями Домингина. И только Журналист, близорукий и пьяный (очки куда-то запропастились), бродил одиноко по саду в своем своеобразном одеянии и, желая вступить в контакт, подходил к одетым в смокинги и фракки гостям, вынимал из пачки мягкую сигарету, пихал ее крайне удивленному дону в нос, уши и глаза, сопровождая это деяние однообразной фразой: «Сеньер! Русские сигареты «Лайка!», на что те в испуге отшатывались, очевидно, считая, что хозяин пригласил для их развлечения не очень удачного клоуна.

В углу сада стояла небольшая группа: Мигель, Писатель, я и беременная Лючия, одетая в ярко-красную шелковую кофту и в такие же черные брюки. Писатель знал итальянский и французский и мы с ним пытались перевести хозяевам популярные в то время у нас в стране вопросы и ответы армянского радио.

Услышав обрывки русской речи и смех, смутно различая наши очертания, ориентируясь на ярко-красный цвет одежды Лючии, Журналист подошел к нашей группе и, посчитав хозяйку за кого-то из нашей делегации (брюки подвели!), хлопнул ее изо всех сил по плечу и громко спросил: «Старик, ты не знаешь, где здесь сортир?».

— Что он сказал?— спросила Лючия.

— Это непереводаемый русский каламбур, — вывернулся я, добавив, что по-русски слово «сортир» совсем не означает желания уйти, а, наоборот, восторг ее красотой, после чего мной и Писателем Журна-

лист был отведен сначала в нужное помещение, а затем в автомобиль, где, окончательно окосев, мирно проспал до самого Мадрида, куда мы вернулись уже под утро...

Потом мы поехали по всей Испании на автобусе. Впечатлений было уйма, но мне сейчас хочется вспомнить лишь один забавный эпизод.

Как я уже говорил, Журналист был назойливо любопытен и все время спрашивал:

— Что это за гора? Как называется эта река? Что за город мы проехали? Это какая провинция?..

Он мне смертельно надоел со своими вопросами и, когда мы переезжали какую-то реку, я сказал ему:

— Обратите на нее внимание, согласно легенде в ней утонул Санчо Пансо со своим ослом.

Тот немедленно записал специально выдуманное мной название реки... Примерно через месяц после возвращения в Москву мне позвонил главный редактор одной известной газеты и попросил заехать и просмотреть статью Журналиста о нашей поездке — не напутал ли он там что-нибудь? Я приехал, прочитал довольно, кстати, неплохую статью и сделал только одно замечание:

— Все правильно, только такой реки в Испании нет.

— Как так нет? Он же говорил, что все сверял по энциклопедии.

— Конечно, вы можете печатать и так. Но на всякий случай прочтите название реки с конца.

Он прочел. Получились имя и фамилия автора статьи. Я не буду приводить слов, сказанных редактором в его (и мой) адрес, — ненормативной лексики у нас в печати и так хватает. Скажу только, что из-за переверстки выпуск газеты задержали часа на три...

Как ни странно, в Мадриде, столице государства, нет оперного театра. Один из самых знаменитых оперных театров мира находится в Барселоне и считается одной из тамошних достопримечательностей. Когда наша делегация приехала в этот город, сопровождающий нас по всей стране, приставленный к нам чиновник от Министерства культуры и туризма (думаю, что он

представлял не только эти организации), симпатичный молодой «испанский русский», из тех, что во время испанской гражданской войны были еще детьми вывезены в СССР и только сравнительно недавно вернувшихся на родину, предложил нам посетить оперу — в это время там проходил фестиваль европейских оперных театров.

На это предложение отозвались только мы с писателем С.С. Смирновым. В этот вечер шла опера Пуччини «Джанни Скики» в исполнении артистов Бельгийской Королевской оперы. Я сидел во втором ряду, а Сергеевичу досталось место в четвертом.

Моим соседом справа был здоровенный, краснолицый пожилой блондин с глубоким шрамом на щеке, а рядом с ним — прелестная юная шатенка, на которую я все время поглядывал, так как постановка была скучнейшая и пели очень плохо. Я нечаянно уронил программку, сосед ее любезно поднял и на плохом французском заметил, что спектакль неудачный. Я с ним согласился, и на этом наше общение закончилось.

В антракте к нам со Смирновым подошел наш «опекун» Родриго.

— Что же вы ближе не познакомились с вашим соседом? Он ведь большой друг СССР и хорошо там известен.

— А кто он такой? Как его фамилия?— спросил я.

— А зовут его Отто Скорцени.

— Боже мой!— вскричал Смирнов.— Мне до зарезу надо было бы с ним побеседовать. Ведь его имя связано не только с похищением Муссолини, но и с обороной Брестской крепости!

Родриго куда-то ушел и минут через пять вернулся в сопровождении дюжего молодца, опиравшегося на толстую палку с золотым набалдашником, сообщившего нам, что г-н Скорцени ждет русских сенсоров завтра в 12 часов в своем доме для собеседования, а сейчас вынужден покинуть театр вследствие важных дел...

И мы не пошли к знаменитому фашисту. Сергей Сергеевич посчитал, что ему, члену партии, известному писателю, неудобно в первые же дни пребывания в стране встречаться с матерым нацистским авантюристом. Ну а мне одному туда ехать было уж и совсем не за чем.

Впоследствии Смирнов искренне жалел, что эта встреча не состоялась. А через несколько лет Юлиан Семенов провел у Скорцени целый день и взял у него интересное интервью.

P.S. Не могу не вспомнить о последнем вечере, проведенном нами в Мадриде накануне отъезда на Родину. И позволю себе расшифровать некоторые имена участников веселого ужина, устроенного Домингином. Приглашены были, кроме меня, знаменитая киноактриса Лидия Смирнова, писатель С.С. Смирнов, балетмейстер Юрий Жданов, друг Мигеля — молодой, красивый и обаятельный Хуан-Карлос и Кинокритик, имя которого я просто позабыл. Вечер этот был одним из самых приятных и веселых в моей жизни!

P.P.S. Испанский друг Мигеля, который нас так очаровал, уже давно женат, у него дети, он счастлив в семейной жизни. И зовется теперь так: Хуан-Карлос II, король Испании.